

Глава 66. Дегустация уксуса

Трубки ламп были опутаны паутиной, и некогда ярко освещённый второй этаж театра теперь тонул в полумраке.

В ноздрах стоял затхлый запах паучьих сетей. В углу Цзянь Хуа заметил несколько куч предметов какого-то странного цвета. Самым заметным был круглый, шарообразный объект с явной впадиной посередине, очень похожий на...

— Череп Длиннорукой Обезьяны, — глаза Ли Фэя были острее, чем у Цзянь Хуа.

— Похоже, он съел немало.

Цзянь Хуа поднял голову. Повсюду на гигантских сетях висели сморщенные, иссохшие чёрные предметы, чем-то напоминающие фруктовую кожуру, только с остатками шерсти.

У пауков нет мощных пищеварительных органов и нет зубов. Снаружи рта у них имеется пара острых хелицер, которыми они разрывают добычу или атакуют, но жевать и перемалывать пищу они не могут. Способ умерщвления добычи у них крайне жесток: они впрыскивают яд, заставляя жертву умирать в муках и параличе, а затем заворачивают её в паутину, чтобы медленно наслаждаться.

К тому времени тело жертвы уже превращается в кровавую жижу. Паук просто высасывает её и отбрасывает пустую оболочку.

Обычно пауки едят насекомых. Панцирь насекомого — это его скелет, чрезвычайно твёрдый. Их трупы висят на паутине, и для человеческого глаза это ничего не значит.

Но если заменить жертву на Длиннорукую Обезьяну...

Инстинктивный ужас и отвращение поднимаются сами собой. Кто знает, от чего именно умерли эти жертвы? Яд проник с кровью к сердцу, и смерть была мучительной, но быстрой? Или он начал действовать из-под кожи, шаг за шагом...

— Цзянь Хуа.

— Я в порядке, — Цзянь Хуа прикрыл глаза, заставляя себя забыть о грибах.

Трупы монстров, погребённые под грибным лесом, не имели такого ужасающего вида — одна кожа да кости.

После ухода корги грибница снова вернулась к своему состоянию пассивного саботажа. Подгоняемая мысленным приказом Цзянь Хуа, она медленно, нехотя выпустила тонкие белые мягкие нити, которые осторожно приподнимали паутину или смещали паучьи нити в сторону, позволяя Ли Фэю и Цзянь Хуа беспрепятственно проходить.

Клейкость самой паутины не оказывала на неё ни малейшего действия.

Раз паутина не чувствовала «сопротивления добычи», её хозяйка, естественно, тоже не шевелилась.

Некогда просторный зал театра из-за хаотичного переплетения паутины теперь имел лишь очень узкие проходы, а воздух был пропитан слабым гнилостным зловонием.

В промежутках на полу остались несколько маленьких отпечатков лап.

Ли Фэй наклонился, чтобы рассмотреть их. В щелях между отпечатками застряли тонкие тёмно-зелёные волокна, похожие на ворс.

— Это совпадает с местом, которое определила твоя способность. Гигантский паук держит свои запасы еды возле сцены. Когда этот корги убегал, его лапы, вероятно, скребли по обивке кресел или по занавесу...

Цзянь Хуа ничего не сказал.

Риск проникновения вглубь паучьего логова был очевиден.

Ли Фэй, казалось, относился к этому гораздо спокойнее. Опасность вызывала у него не только осторожность, но и глубокий интерес.

Это была поистине дурная привычка! — Цзянь Хуа отвёл взгляд и молча подумал: — Сколько злодеев именно потому, что стремились к острым ощущениям, упивались приключениями, лично испытывали удовлетворение от покорения и наслаждались беспомощностью побеждённых, в итоге терпели крах и падали от рук главного героя?

Ум, сила и удача — ни одно из этих качеств не должно отсутствовать.

Первыми двумя Ли Фэй обладал. Но третье — именно оно в сражениях героического эпоса решало исход битвы.

— Оно занято выводением потомства. Мы можем устроить ловушку на полпути между крышей и сценой театра, используя особенности местности, чтобы избегать атак паука. Если нам удастся его запереть, половина проблемы будет решена.

Ли Фэй повернулся к настенной схеме эвакуационных выходов и пальцем указал несколько точек.

— Смотри, не попадись в его паутину! — серьёзно предупредил Ли Фэй. — Последствия этого паралитического яда неизвестны. Если ты потеряешь сознание, твоя способность выйдет из-под контроля.

— На самом деле грибам не нужен контроль, чтобы бешено разрастаться, атаковать и защищаться.

Цзянь Хуа опустил взгляд на ленивую грибницу и решил всё же проглотить эти слова.

— Судя по карте, здесь есть одно очень подходящее место.

Сказав это, Ли Фэй, следуя указателям, направился направо.

Гигантский паук был хитёр. Он оплёл паутиной все основные проходы и вентиляционные отверстия, но некоторые тупики остались нетронутыми. В этом заключалась разница между активным перехватом и пассивным ожиданием.

— У этой лестницы мы разделимся на два пути. За кем бы паук ни погнался, не оглядывайся, — Ли Фэй удовлетворённо остановился и показал Цзянь Хуа.

— Концертный зал?

Впереди находился ещё один зал Хайчэнского театра, чуть меньшего размера, предназначенный для камерных концертов. Следуя за Ли Фэем, Цзянь Хуа заметил, что здесь было много поворотов, что очень облегчало бегство.

Когда они вошли в сам концертный зал, их ощущение удачи только усилилось. Гигантский паук, вероятно, никогда здесь не был. В концертном зале не было ни единой паучьей сети, можно было свободно передвигаться.

Перед круглой сценой амфитеатром поднимались ряды кресел, и пространство напоминало большой актовый зал школы.

Ради акустики стены здесь наверняка были очень толстыми. Гигантский паук не относился к силовому типу монстров и не смог бы проломить стены.

— Два пути неодинаковы. Обогнув зал, оба ведут в концертный зал, только один ближе, другой дальше. Я предлагаю: за кем погонится паук, тот пусть идёт по дальней дороге, чтобы дать второму шанс войти первым и спрятаться.

Цзянь Хуа выслушал и кивнул в знак согласия.

— Когда паук войдёт, я пламенем отрежу ему путь назад.

Ли Фэй осмотрел концертный зал и с удовлетворением обнаружил, что, кроме одной постоянно запертой аварийной двери, здесь был только один вход и выход.

— Чтобы забраться наверх, ему придётся опираться на паутину. Сжечь выпущенную им паутину и запереть его здесь — задача не слишком сложная.

Цзянь Хуа тоже поднял взгляд, прикидывая расстояние до небольшого балкона в задней части зала. Тот находился почти под самым потолком. Если гигантский паук попытается туда прыгнуть, его спина наверняка застрянет.

— Я встану здесь.

Ли Фэй указал на балкон. Чтобы атаковать, пауку придётся либо вытягивать свои длинные лапы, либо выстреливать паутиной, чтобы силой подтащить добычу.

— Если паук погонится за тобой, ты сначала спрячешься здесь... — Ли Фэй подошёл к туалету в тёмном углу зала. Дверь была такой узкой, что в неё могли одновременно протиснуться лишь двое взрослых мужчин.

Войдя в дверь, нужно было пройти четыре метра, прежде чем увидеть две двери с разными значками.

Даже если бы гигантский паук отрубил все свои восемь лап, он бы сюда не втиснулся.

Если бы он попытался просунуть лапу внутрь, чтобы «выкопать» добычу, он бы всё равно не смог дотянуться до мужского туалета за поворотом в конце коридора. Насильно просунув лапу и изогнув её на сто восемьдесят градусов, паучьи когти смогли бы коснуться разве что зеркала в туалете. Не говоря уже о том, что вытянутая лапа паука не достигала и четырёх метров в длину.

— Здесь очень безопасно. Побесившись какое-то время, он сможет только залить паутиной проход и вход в туалет.

Ли Фэй намекнул Цзянь Хуа, чтобы тот продолжал обматывать спину и тело грибницей для защиты от яда паутины.

— На балкон ведут два пути. Один из них как раз в противоположной стороне от туалета. Пока паук будет занят, я войду и как раз успею подняться.

— А если он погонится за тобой?

— Я пойду прямо на балкон.

Ответ Ли Фэя удивил Цзянь Хуа и вызвал в нём смутное, неясное раздражение. Он подавил эту неуместную вспышку гнева и холодно спросил:

— Почему тот, кого преследуют, не может сразу же броситься на балкон? Зачем так чётко разделять?

Что же, ему суждено отсиживаться в туалете?

Это ощущение, что его недооценивают, застряло у Цзянь Хуа в груди, и было очень неприятно.

— Путь на балкон довольно долог.

— Когда будут преследовать тебя, тебе тоже придётся его пройти, — голос Цзянь Хуа стал ещё холоднее.

Эта отговорка была слишком натянутой и не могла его убедить.

Ли Фэй беспомощно пояснил:

— Мне нужно кое-что подготовить в концертном зале. Я выключу свет. Когда станет совершенно темно, ты, возможно, не увидишь безопасный путь к балкону.

— ?

— Возле входа в государственный театр Хайчэна на тротуаре есть два ряда велосипедов самообслуживания. Вытащить все стальные шарики из подшипников колёс и рассыпать их по полу концертного зала.

— Такие маленькие шарики — он не обязательно на них наступит, — Цзянь Хуа стал размышлять над этой идеей, совершенно забыв о том, что только что злился.

— Пол и спинки кресел облить смазочным маслом. Ущерба не избежать, но я буду контролировать распространение огня.

Цзянь Хуа представил себе эту картину. Он больше не заговаривал о том, чтобы идти на балкон. В критический момент, среди пламени и обезумевшего паука, зачем ещё заставлять Ли Фэя отвлекаться на то, чтобы защищать его от огня?

В туалете можно просто повернуть кран, и вода польётся. Перетерпеть несколько минут нетрудно.

— Этот план звучит так, будто может сработать.

— Доверься мне, хорошо? — Ли Фэй улыбнулся.

Частота дыхания Цзянь Хуа внезапно участилась. Он отступил на полшага назад, увеличивая дистанцию между ними.

Как и следовало ожидать, чем напряжённее ситуация, тем заметнее иллюзия, создаваемая эффектом подвесного моста. Цзянь Хуа нахмурился, изо всех сил стараясь отвлечься от этой мысли.

— Весь этот план... ты придумал его экспромтом, увидев карту?

Он всё ещё про себя ворчал, что в глубине души Ли Фэй питает слишком большой интерес к приключениям и покорению, из-за чего легко может попасть в беду. И вот, пожалуйста, — кино-император в мгновение ока дал ему понять, что к встрече с гигантским пауком без чёткого и продуманного плана подошёл только сам Цзянь Хуа.

Разница между людьми, кажется, была несколько великовата.

Что такое приключение? Когда всё находится под контролем — вот стиль Ли Фэя.

Это был как раз тем человеком, которым Цзянь Хуа больше всего хотел бы стать. У Цзянь Хуа не было интереса к славе и выгоде. Он не боролся за место под солнцем и оттого казался покладистым. Но он упрямо держался за свои предпочтения и отказывался позволять этому миру обтесать себя в скользкого, изворотливого приспособленца. По сути, он и сам был человеком, с которым трудно спорить. Он хотел, чтобы его жизнь была такой, как ему нравится, и ненавидел людей и события, пытающиеся её изменить.

Заброшенный Мир разрушил всю жизнь Цзянь Хуа. Даже не зная, что этот мир — книга, он уже был этим сильно удручён.

Всё вышло из-под контроля. Ему не нравилось всё, что он не мог контролировать.

Однако, находясь рядом с Ли Фэем, он обнаружил, что кино-император продолжает жить как обычно: снимается в фильмах, спешит на запланированные встречи; если есть дело — связывается с «Красным Драконом», если нет — изучает особенности носителей способностей и, подражая хомяку, запасает еду. В свободное время заходит посидеть в собственную кофейню, берёт несколько предметов одежды, чтобы подобрать Цзянь Хуа образ... Какая безмятежность, какое хладнокровие.

Тем временем Ли Фэй заметил, что Цзянь Хуа смотрит на него отсутствующим взглядом, почти замороженно.

Это был хороший прогресс. Жаль только, что он витал в облаках... Наверняка думал о генерале У!

— Кхм. Вообще-то в молодости я хотел быть режиссёром коммерческих фильмов. Такие остросюжетные сценарии, сложные раскадровки боевых сцен — я много раз прокручивал их в уме.

В коммерческом кино, помимо современных перестрелок и погонь, есть ещё нападения монстров на людей и природные катаклизмы, обрушивающиеся на города. Сценарии все строятся по шаблонам.

— В молодости? — Цзянь Хуа ухватился за другую деталь в этих словах. Он странно посмотрел на кино-императора.

Если он ничего не путал, Ли Фэю в следующем году исполнилось только тридцать. Если Ли Фэй уже не молод, то Цзянь Хуа в свои двадцать семь тоже чувствовал себя вступившим в ряды пожилых людей.

— В шоу-бизнесе к тридцати годам ты уже почти выходишь в тираж. Зрителям надоедает смотреть на одно и то же лицо.

— Ты отличаешься от других. Те, кто живёт за счёт внешности и не имеет способностей, могут попрыгать несколько лет и на этом закончить, — Цзянь Хуа. машинально бросился защищать его. — Каждый твой персонаж выглядит по-разному. Зрителям не надоест.

— ...

Генерал У и он сам — это ведь тоже два совершенно разных лица, не так ли?